

«ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ» МАЛЕВИЧА

Тлетворно чёрных мыслей напряжение,
Они как будто вышли на парад.
Внутри «Квадрата» есть соображение,
Что Казимир Малевич – сам «Квадрат».

В его сознание – чернота врывается,
Творец квадратно мыслит, говорит.
И чернота вдруг кровью наливается,
«Квадрат» углами острыми горит.

Он станет красным, будто бы изранится,
С творцом своим захочет поиграть
И срикошетит, и творец останется
У «Чёрного квадрата» умирать...

* * *

Едва ли я отвыкну от старания
Творить и думать подле тишины.
Для внутреннего создан я сгорания
И для убийства внутренней войны

В себе самом...

В себе чего-то ради я
Твержу о тайных смыслах бытия.
Ведь из меня душа моя украдена,
А без души неполноценен я.

Всё остальное, даже солнце – ранено,
Хотя оно не чувствует вины...
И для чего тогда мои старания
Творить и думать подле тишины?..

* * *

Обернуться на себя
И себя в себе увидеть,
Чтобы только не обидеть
Подневольного себя.

Для чего тогда, губя,
Самого себя и видеть?
А быть может, ненавидеть
Злого, тварного себя?

Жизнь свою в стекло дробя,
Никогда уже не выйдет
Ненавидеть и не видеть
Ненавистного себя...

Кровь, что брызнула из пальца,
Сердцу кажется игрой?
– Не воспитывай страдальца, –
Говорю себе порой.

У небесных постояльцев
В поднебесье – благодать.
И не надо бы страдальцев
Посылать туда страдать!

Лучше с Ангелом крылатым
Пролететь по жизни вдоль
И, играя автоматом,
Продырявить сердца боль...

А стезю несложно выбрать
В обескровленном краю.
Там, как будто Ангел выбрит,
С сердцем встретишься в раю.

ИЕРУСАЛИМ

Иерусалим. Там я был, там невольно
Почувствовал вдруг укоризну времён.
Христос был распят.

Неужели не больно
Тебе или мне подле тёмных икон?!

Они и сегодня молчат, мироточат,
От нас не скрывая ни боли, ни слёз.
Во тьме иудейской

всё так же хлопочет
О нас многогрешных незримый Христос.

Мы слёпы, мы Бога не видим сегодня,
По крови идём и по времени вброд.
Я помню,

как в храм Воскресенья Господня
Входили торговцы – картавый народ.

Всё двигалось к пропасти неудержимо,
Всё падало в хаос – дворец и погост.
И только Голгофа не двигалась мимо,
И в небо – без нас –
поднимался – Христос!

Обомлеть и остаться надолго, навеки
Подле мокрого солнца и чёрной воды.
Я себя не узнаю в обличье калеки,
Я себя не возьму до ближайшей звезды.

Утром холод стоит, и целуются флоксы,
Чтобы ночью себя от мороза спасти.
Осень падает навзничь, и некая плоскость,
Порывается в космос её унести.

Неужели навек там останется осень,
Её тёмный багрец упадёт на звезду.
Неужели меня моя стылица бросит,
На свидание к ней я уже не приду.

Загремит астероид в небесном отсеке,
Упадёт стрекоза или с неба скала...
Я себя не узнаю в обличье калеки,
Потому что из осени – осень ушла.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Я видел, как молния шла шаровая
По лету, по лесу, потом по ручью,
Взошла на пригорок, траву обжигая,
Держа наготове пружину свою.

Она была внутренним пламенем сжата
До малых объёмов, до твёрдого дна,
До судорог неба, до красок заката,
Не взрывом, а некой загадкой полна.

Она не катилась, лишь только качалась,
А после ко мне совершила прыжок,
С моей раскалённой душой

повстречалась

И в тысячу вольт получила ожог.

Тьма ночная, или сон,
Или космоса причуда.
Раскололся горизонт,
Где я то, что завтра буду.

Среди твёрдой темноты
Одичалые ступени.
Нереальны и пусты
Эти призрачные тени.

Наломало время дров,
Где угроблено полсвета.
Звёздный движется покров
В душу тёмную поэта.

НА УГАСШЕЙ ЗВЕЗДЕ

И тихо, и звёздно, и как-то неловко
Бродить по угасшей звезде.
Ни Евы, ни яблока... Веет низовка,
Да стынет змея, да еврей-полукровка
Мечтает о пресной воде.

Здесь всё уже стало пустым и не вечным:
Дорога, пристанище, речь.
И только в Пути нависающем Млечном,
Как будто в плавильне веков быстротечной,
Вселенская видится течь.

Качается время, скрывает пустыня
Пропавших и павших землян.
Их всех почему-то кресты закрестили
И в полночь к угасшей звезде пропустили,
Где лопнул небесный стакан.

В терновнике голом заухала совка,
И в горле песок запершил.
В лесу закровавилась божья коровка,
Заплакал в пустыне еврей-полукровка,
А может, Иуда ожил.

Последнее мы проиграли сраженьё
С самими собой, смертный холод унёс
Земное случайное наше рожденье,
И вряд ли Земле принесёт Возрожденье
Уставший от крови Христос?!

ФЕВРАЛЬ

*Февраль. Достать чернил и плакать,
Писать о феврале навзрыд,
Пока ликующая слякоть
Весною чёрною горит...*

Борис Пастернак

Мостовую февраль бесконечный
Ледяными ладонями бьёт.
С неба Путь холодеющий Млечный
Будто сердце моё достаёт.

Где же эта февральская слякоть,
О которой писал Пастернак?
Не уйти, не уснуть, не заплакать
И не выправить душу никак.

Нет тебя возле вспыхнувшей боли,
Нет дыхания возле лица.
Ты свои злополучные роли
Отыграла уже до конца.

Время поздние звёзды колышет,
Унося наши прошлые сны.
Грудь твоя ненасытная дышит
В ожидании долгой весны.

Полыхает февральская замять,
И никак не оттаёт земля,
Где моя безответная память
Утонула в снегах февраля.